

Краков хорошо известен в Европе своим Бавелем (кремлем), театральными традициями, тем, что в нем живут и работают мировые величия — Анджей Вайда, Кристиан Люпа... Знаменит город и краковской колбасой, не имеющей ничего общего с тем, что продается у нас под этим же названием. Артист Домогов стал первым из русских, кто вписал яркую страницу в историю польского театра, и исключительно на польском языке.

Справка: Александр Домогов, 36 лет. Выпускник Театрального училища им. Щепкина. Работал в Театре Российской Армии, служит в Театре им. Моссовета. Известен по кинофильмам в телесериале "Графиня де Монсоро", в картине "Белый танец". Сейчас по телевизору идет детектив с его участием "Бандитский Петербург".

Домогов — не первый и не последний, кто из наших выступает в европейском театре. Калаягин, Вертинская, Демидова — тяжелая артиллерия русского театра — пробовала силы в Париже, Греции, Англии... Играл хорошо и в основном по-русски. Так, Олег Меньшиков в паре со знаменитой Ванессой Редгрейв был Есениным и читал стихи, пел романсы на языке страны березового ситца. А текст за него — типа: "Он сказал, что хочет меня" — отыгрывала партнерша. Исключением можно считать Михаила Козакова, который, став эмигрантом, чтобы выжить, вынужден был играть в Израиле на иврите. С Домоговым краковский театр "Багателя" подписывал контракт с одним условием: он должен играть Макбета только на польском. Заманчивая идея обернулась для него кошмаром.

— Если бы ты знала, как мне страшно... Никогда так не дрожал, — сказал он мне в приступе правды за неделю до премьеры.

Он страшно психовал из-за языка, хотя роль за две недели отскакивала от зубов. Кстати, он был один из всей команды, кто наизусть знал роль. Но... его польский, как хромой инвалид, то и дело спотыкался на ударениях, скользил на интонациях и заплетах в дебрях шипящих и свистящих.

— Мам щел строич в цудзе шаты? — твердил он то, что по-русски звучит намного красивее: "Должен ли я рядиться в чужие наряды?".

К нему, естественно, приставили училку. Юстина — выпускница филфака польского языка — пальчиком педантично поправляла очки, сползавшие с переносицы, и, сидя напротив, терпеливо выслушивала монологи русского Макбета. Его слова о любви и рефлексиях грехопадения ее совсем не трогали. Но тут же вскидывалась, когда он делал ошибку. Она стала его тенью за кулисами.

— Добж (хорошо), — бросал он кому-то.

— До-бже, — чеканя каждую букву, шипела она за спиной. И не прощала формального "прош" (прошу) вместо гибкого "проше". Я спросила у учительницы Юстины после премьеры: "Каким Саша был учеником?"

— Нет, он не тупой. Он упрямый, но только очень торопится. Я ему все время говорила: "Сашка, не так быстро". У нас так шибко не говорят.

— А как ты думаешь, он понимает то, что говорит? Или надежда — только на актерскую память?

— О, теперь да, понимает. А сначала мало. Теперь он хорошо говорит на улице. А недавно я видела, как на репетициях он даже текст подсказывал нашему артисту, когда тот слова забывал.

Юлиуш Грабовский — 80-летний талисман театра — играет в "Макбете" одну из ведм и действительно время от времени плавал в шекспировском тексте, потому как старый юж (уже). Суфлер носился за кулисами, следя за перемещениями Домогова, но тот на суфлера решил не надеяться. В предпремьерные дни Домогов, переигравший супергероев в кино и суперлюбовников на сцене, дрожал, как заяц, почуявший близость охотников.

II
Когда на Марьяцком костеле бьют часы, трубач четырежды играет марьяцкий хейнал — что-то вроде гимна Кракова. На север, на юг, на запад и восток разлетается красивая мелодия. И вдруг обрывается на высокой ноте. Это, пожалуй, самая удивительная легенда Кракова. Согласно ей, когда татары подступили к городу, трубач, обычно собиравший хейналом горожан на молитву, решил предупредить о нашествии. Он заиграл во внеурочный час, и татарский стрелок натянул тетиву лука. Стрела вонзилась трубачу в горло, и мелодия оборвалась. Спустя много-много лет Булат Окуджава напишет своей польской подруге, тоже поэссе Агнешке Осецкой:

Когда трубач над Краковом
Возносится с трубугой,
Прощаюсь я с тобою...

Так вот, пока трубач на четыре части света выдувает свой красивый хейнал, Саша Домогов, сосредоточенный и внутренне сгруппировавшийся, идет в "Багату" на "Макбета", как на осаду крепости. Он даже не замечает, как милые видные полки очумело смотрят вслед, а наглые тинейджеры кричат ему: "Бохун, Бохун!" В Польше Домогов — не кто иной, как яростный, сумасшедший от любви красавец Бохун из киноэпопеи "Огнем и мечом", поднявшей национальный дух в стране.

III
Но не о роли кинематографа в формировании патристического сознания хочется говорить в живописном маленьком Кракове, а о причудах и завор-

Макбет и его леди — Данута Станька.

Пока в Кракове часы умопомрачительного Марьяцкого костела бьют точное время, артист Александр Домогов успевает дойти от дома до театра. Его проход по куцей улочке, озвученный боем средневекового механизма, длится уже полтора месяца. Именно столько Александр Домогов в самом театральном городе Польши репетировал роль Макбета в одноименной пьесе Шекспира. Он первый из русских, кто сыграл в Польше роль на языке страны.

Как шли репетиции? Почему фунт актерского лиха на чужбинке? Какую цену заплатил Домогов за Макбета и по какому нервному счету будут оплачены его потери? Об этом и многом другом — в материале обозревателя "МК".

Александр Домогов.

СЕКС УБИЙСТВЕННЫЙ ПО КРАКОВСКОМУ СЧЕТУ

посмотрев последнюю кассету, в которой уже не надеялся ничего найти.

Так, с точки "Огнем и мечом", начался неожиданный и взрывной виток в карьере Домогова. Он стал национальным героем Польши, снялся в еще одной польской картине и в шведском детективе. Ходить по Кракову, Варшаве и другим городам с ним опасно. Даже в самом, по нашим понятиям, захолустье, в Татрах, на него бросаются и просят автографы. С ним снимаются на фото все кому не лень: члены профсоюза, пенсионеры, местные пионеры — харцеры... Стоя в очереди к нему за автографом, они не знают, что он уже не Бохун, а Макбет.

IV
— Саш, поработав в другой стране, скажи: есть разница между нашими актерами и их?

— Нет, во всяком случае в Польше. Вот мы сидим вна в бубете — перекур во время репетиции. Я, Данута Станька (леди Макбет) и Дункан — Славомир Сосьнеш. Данута говорит:

— Господи, почему я не осталась учительницей русского языка? Сейчас бы жила как все люди...

И закурила.
— Почему я бросил торговать мебелью и вернулся в этот чертов театр? Дела шли хорошо, — говорит Славомир.

А я думаю: какого черта мне не сиделось в Москве — работы по горло и в театре, и в кино. А тут, как м... долбож польский. Но кто хоть раз поухал кулисы, отсюда не уйдет. Нет, ничем не отличается польский артист от нашего. Все то же.

V
И вот "Макбет". Весь затянутый в черную кожу — штаны, высокие ботфорты, рубаха. Поверх — кольчуга из стреляных гильз. Костюм на все 20 кг тянет, отчего с первых минут артист мокрый как мышь. Небрит. В луче света. Первые слова. Разумеется, по-польски. И, судя по выражениям лиц польских граждан, в зале можно прочесть: "В кино-то тебя дублировали, а вот каковы ты на сцене? Ну-ка, ну-ка..."

Макбет Домогова — сильный в пластике и словах. Страх неуязвимости между языком и образом у генерала-убийцы не найти, как проклятия у опытного подпольщика. Макбету сказали: "Парень, бери власть". И он ее хочет. Так хочет, что не скрывает желания.

А тут является его леди — такая же яростная и страстная, как бензин к его пламени. Эта парочка друг друга стоит, и на ней все держится. По-актерски красивые оба — и хорошо смотрятся. Режиссер Вальдемар Смигашевич, приглашенный на постановку из Варшавы, никакими внешними эффектами решил публику не поражать, оставив на ее суд только внутренние взаимоотношения героев и страсть. Временами страсть становится синонимом секса.

Вот сцена перед убийством Дункана. Леди — грациозна, как пантера, с острым профилем в обрамлении осыпавшихся черных кудрей. Она говорит о власти с вызовом, и в ее интонациях, голосе — страсть обладания: властью, мужем, телом — всем миром. Плещет ему в лицо в ответ на его нерешительность. Он отвечает пощечиной. И вот они уже на полу, слились в экстазе — клубок змеиный, сексуальный. Секс окажется убийственным для всех.

Дальше не будет ни одной сцены близости, а напряжение этого момента беззвучным лейтмотивом пройдет через весь спектакль. Зал в напряжении, и только один человек в зале не потеряет рассудок — это училка Юстина. Она зафиксировала, что дважды ее русский ученик Домогов соврет в слове "каждого", поставив по-русски ударение на первый слог вместо предпоследнего. И что у него плохо выходит твердое "ч".

VI
Леди Макбет, уходя со сцены после своей "смерти", в темноте звезданулась о трубу. Левый глаз артистки Станьки сразу запыл, и гримерша час после спектакля делала ей примочки. Бывшая учительница русского языка, а теперь одна из самых популярных польских актрис, смеется, глядя на меня в зеркало, и говорит, что по-русски хорошо понимает, а розмывает (говорит) — совсем никак. Из ее польского с перековерканным русским мне удалось понять, что:

1. Своего партнера она как будто давно знает.

— Коханы, коханы ("любимый" — два раза), — морщится она от сладкого слова, когда ей делают примочку под глаз.

2. Что у Домогова нет комплекса артиста.

— Что это значит, Данута?

— Он не ма в собе почуча же ест лэпши от партнера.

По-русски это значит примерно: не тынет одеяло на себя, не лезет вон из кожи, чтобы доказать, что он русский гений польской сцены. А также вспомнила, что самая смешная сцена была для нее — та самая, сексуальная. Когда они с Сашкой валялись на полу, и он по-польски спрашивал: "Если я тэго зробе?" — имея в виду убийство короля Дункана, — то Данута прикалывала его невинным вопросом: "Цо нэ зробишь?" ("Что не сделаешь?").

Она сожалеет, что не было возможности встречаться после репетиций. Актриса моталась в Краков одновременно из Варшавы, где много занята в театре, и из Португалии, где снималась во французском фильме. На банкете по случаю "Макбета" Домогов сказал, что Данута — одна из немногих его партнерш, которой ему хотелось отдаться. На сцене, господа. На сцене.

VII
В мае Краков утопает в зелени, как южный город. Каштаны, сирень. Туристы — толпами. Неизменный голубь какает на голову памятника поэту Мицкевичу. Каждый час на Марьяцком костеле неизвестный трубач выводит свой хейнал на четыре части света. Так уж вышло, что Александр Домогов вошел в соседнюю и более благополучную, чем Россия, Польшу с "Огнем и мечом". При этом ничего не разрушив, за исключением множества женских сердец. "Макбет" добавил очков к его славе. Сегодня у артиста двенадцатый спектакль, на который уже съезжаются из других городов. Стоят по стенкам. Все-таки чертовски приятно, что наш победил, что могут не только мэтры и что русская театральная школа пока еще остается лучшей.

VIII
Даже в самые тяжелые времена социализма Польшу называли самым веселым баракком в социалистическом лагере. Похоже, с репутацией весельчаков вне лагеря поляки не собираются расставаться. Вот самый свежий анекдот из Кракова, который я услышала в ресторане еврейского квартала Казимеж. Каждый президент или премьер в России имел свою водку: была "Горбачевка", "Ельцинка", "Черномырдинка". Теперь вот появилась "Путинка". Вопрос — чем она отличается, ну, скажем, от "Черномырдинки"? Ответ — то же самое, только без газа.

Марина РАЙКИНА,
Краков—Москва.

14.05.2000
Александр Домогов